

ЭЛЕН РУЖ

ФЕЙ

МОИХ СНОВ

18+

Элен Руж

Фей моих снов

<https://litres.ru/74646604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне – двадцать шесть. Разведена. Бесплодна. Врачи развели руками. Я смирилась с тем, что пустышка. Но каждую ночь ко мне приходит Сумеречный Фей. Он дарит мне наслаждение, которого я не знала, и обещает исполнить любое желание.

Я не знаю его имени. Не знаю, зачем он здесь. Но чувствую: он ждёт, когда я произнесу то, что боюсь сказать даже себе: «Хочу ребёнка».

Его мир умирает. Пустота пожирает всё. И только дитя двух миров может остановить тьму. Но цена – вся моя жизненная сила. Если я решусь, потеряю себя, но обрету всё. Если нет, навсегда останусь в своём мире, где меня никто не ждёт.

Содержание

Глава1. Сон, в который хочется возвращаться	4
Глава2. Утро, когда приоткрылись врата	14
Глава3. Подруга, которая видит больше	18
Глава4. Там, где ждёт Пустота	28
Глава5. Желание, которое не решалась произнести	33
Глава6. Отпуск, которого не было	41
Глава7. Пророчество и первая искра	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Фей моих снов

Глава 1. Сон, в который хочется возвращаться

Я надела эту сорочку специально.

Шёлк цвета шампанского, кружево по краю декольте, тонкие бретельки, которые почти невесомо лежат на плечах. Она пылилась в шкафу полгода, с тех пор как я купила её в каком-то приступе саморазрушительной надежды. Тогда я ещё думала, что для кого-то. Что будет повод. Что кто-то увидит и ахнет.

А потом он ушёл.

Не потому, что мы не сошлись характерами. Не потому, что «ты слишком эмоциональная» или «я устал». Нет. Он ушёл, потому что я не могла дать ему наследника, которого он так хотел. Я оказалась пустой. Бесплодной. Он нашёл ту, что смогла. Она уже была на втором месяце, когда он пришёл и сказал: «Кира, я ухожу. К ней. Потому что она может. А ты оставайся в своём мире рисунков. Тебе этого достаточно».

Я не плакала при нём. Дождалась, пока закроется дверь, и тогда рухнула на пол в прихожей, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Потому что он подтвердил мой самый страшный страх. Я – пустышка. Та, от которой уходят к тем, кто спо-

собен дать жизнь.

И вот я здесь. Одна. Художник-оформитель в рекламном агентстве, где мои макеты переделывают пять раз, потому что «Кира, ну сделай логотип побольше, мы же продаём, а не просто искусство». И сегодня я надела эту сорочку. Назло. Потому что я красивая. Потому что мне всего-то двадцать шесть...

Шёлк скользит по коже, ласковый, прохладный, обтекает бёдра, подчеркивает грудь. Я смотрю на себя в зеркало перед сном: волосы распущены, тёмно-каштановые кудри падают на плечи, кожа светится в тусклом свете ночника. Я красивая. Мне нужен был только один человек, который скажет мне это. Но его нет.

Зато есть тот, другой. Из снов.

Я ложусь в кровать, чувствуя шёлк на коже. Закрываю глаза. И жду. Потому что это уже не первый раз. Я знаю, что он придёт.

Сначала – темнота, густая, как мёд, а потом ощущение, что я парю. Границы тела размываются, и я уже не знаю, где моя кровать, а где – пустота, в которую я проваливаюсь каждую ночь. И тогда я чувствую его.

Он появляется из ниоткуда, из той самой пустоты. Я не слышу шагов, он просто есть. Тёплый. Живой. Пахнет ночным лесом и чем-то сладким.

— Здравствуй, Кира.

Голос низкий, с хрипотцой. Я знаю его уже почти две

недели. Сначала думала, что схожу с ума. Что это стресс, недосып, переработки. Что мой мозг просто придумал себе иллюзию, чтобы компенсировать реальность. Но когда он впервые коснулся меня, я поняла. Ни один психоз не дарит такое тепло. Ни одна фантазия не пахнет так сладко, терпко, опасно.

— Ты опять пришёл, — шепчу я в темноту.

— Ты опять ждала, — отвечает он, и в голосе слышится улыбка. — И ты даже надела её. Эту сорочку. Для меня.

Я краснею. Во сне – а я знаю, что это сон, – я всё равно краснею. Потому что он знает. Он знает про сорочку. Он знает, что я жду. Он знает меня лучше, чем любой мужчина в реальности.

— Как ты... откуда ты знаешь?

— Я знаю всё, — его голос становится глубже, и в нём появляется та самая тёмная усмешка, от которой у меня мурашки по спине. — Я знаю, что ты надела её, чтобы почувствовать себя красивой. Что ты не веришь в это, но хочешь. И я знаю, что он был дураком.

Моё сердце пропускает удар.

— Не надо, — прошу я тихо. — Не говори о нём.

— Почему? — он наклоняется, и я чувствую его дыхание у своего уха. — Потому что он назвал тебя пустой? Потому что он ушёл к той, что «смогла»? Глупец. Он не знал, кого теряет.

— Ты не знаешь меня, — говорю я, но голос дрожит.

— Знаю, — шепчет он. — Я знаю тебя лучше, чем он. Я вижу твои сны, Кира. Твои страхи. И я вижу твоё пламя, которое ты прячешь за этой маской тихой художницы.

Его рука ложится на моё плечо. Ладонь горячая, уверенная, и я чувствую, как дрожь пробегает по всему телу.

— Я хочу, чтобы ты запомнила, — его голос становится почти требовательным. — Ты не пустая. Ты самая полная из всех, кого я встречал. Ты просто не знаешь этого. Но я покажу тебе.

Я не успеваю ответить. Его губы накрывают мои, и всё исчезает. Он целует меня так, будто я – единственная женщина в его бесконечной жизни. Медленно. Глубоко. С языком, который дразнит и обещает. От его поцелуя у меня подкашиваются колени даже во сне, даже лёжа. Одна его рука скользит по моей шее, спускается к ключице, к краю кружева. Другая сжимает мою ладонь, переплетает пальцы, будто боится, что я исчезну.

— Ты сводишь меня с ума, — шепчу я, когда он отрывается от моих губ.

— Это взаимно, — отвечает он, и его голос звучит хрипло. Его пальцы играют с бретелькой сорочки, спускают её с плеча. Я чувствую, как шёлк соскальзывает, открывая грудь, и его ладонь накрывает её. Горячая, уверенная, сжимает так, что я стону. Не сдерживаясь. Здесь, во сне, я позволяю себе всё.

— Какая ты чувственная, — говорит он с восхищением.

— Даже сквозь ткань я ощущаю, как твой сосок твердеет от моего прикосновения.

— Не говори так, — прошу я, но это звучит как мольба.

— Почему? — он наклоняется и прикусывает кружево зубами, дразня. — Тебе стыдно? Стыдно хотеть? Стыдно быть мокрой от того, что я тебя ласкаю?

Я хочу ответить «да», но вместо этого слышу собственный стон. Потому что его пальцы уже скользят по бедру, сминая подол сорочки, подбираются к кружеву трусиков. И когда он касается меня сквозь влажную ткань, я забываю, как дышать.

— Ты мокрая, — говорит он, и в его голосе и торжество, и нежность. — Влажная, горячая... Ты хотела этого. Ты ждала меня. И ты знаешь, что я дам тебе всё.

Я кусаю губу. Хочу сказать что-то умное. Но когда его пальцы отодвигают узкую полоску кружева и проникают внутрь, слова рассыпаются, как песок.

— Да... — вырывается из меня.

— Что «да»? — он входит глубже. — Скажи мне. Чего ты хочешь?

Я дрожу. Я хочу, чтобы он не останавливался. Хочу кричать, хочу взорваться, хочу раствориться в этом ощущении, которое он дарит мне каждую ночь. Но я молчу.

— Упрямая, — смеётся он. — Я люблю это в тебе. Но сейчас, Кира... сейчас я хочу, чтобы ты попросила.

Мой таинственный незнакомец убирает пальцы, и я всхлипываю от потери.

— Пожалуйста, — шепчу я. — Пожалуйста, не останавливайся.

— Ну же, моя хорошая, — его голос становится глубже, почти требовательным. — Чего ты хочешь на самом деле? Не просто оргазма. Ты хочешь большего. Ты знаешь это. Я исполню любое желание. Но ты должна его назвать.

Я не понимаю, о чём он говорит. Моё тело пульсирует, внутри всё горит, я хочу его, прямо сейчас, здесь, в этом сне.

— Я хочу чувствовать, — говорю я. — Хочу чувствовать себя желанной. Живой. Настоящей.

— Ты уже это чувствуешь, — он касается губами моей груди, обводит сосок языком, и я выгибаюсь дугой.

— Нет, — шепчу я, задыхаясь. — Я хочу... я хочу поверить. Хочу, чтобы кто-то доказал мне, что я не пустая.

Он поднимает голову. Его глаза мерцают в темноте.

— Я докажу, — говорит он тихо. — Этой ночью. И каждой ночью, пока ты не согласишься.

И опускается вниз. Его язык касается меня, и я взрываюсь. Я забываю всё. Стыд, страхи, развод, его слова, его уход, ту женщину, которая «смогла», работу, макеты, начальницу, которая говорит «Кира, ну будь проще». Я забываю, что одна. Я забываю, что в мире есть что-то, кроме его губ, его языка, его рук, которые сжимают мои бёдра, удерживая на месте.

Он ласкает меня так, как никто никогда не ласкал. Сначала медленно, пробуя, изучая каждую складку, каждую чув-

ствительную точку. Потом быстрее, жаднее, входя языком туда, где я уже не могу терпеть.

— Пожалуйста... — слышу я собственный голос, который звучит как молитва. — Пожалуйста, ещё... чуть-чуть...

И он даёт. Он даёт мне всё. Оргазм накрывает волной, я выгибаюсь, впираюсь пальцами в простыни, кричу. Я не знаю, кричу ли по-настоящему или только во сне, но мне всё равно. Чувствую себя живой. Желанной. Я чувствую себя той, кого хотят до дрожи, до одержимости.

Когда я открываю глаза, он смотрит на меня сверху. В его взгляде нежность и тёмная гордость. На его губах – лёгкая улыбка.

— Каждую ночь, Кира, — говорит он. — Это моё обещание.

Я хочу спросить, кто он. Хочу спросить, зачем приходит, откуда знает мои страхи, почему выбрал именно меня. Но сон тает, и я проваливаюсь куда-то глубже, теряя его лицо, его тепло, его руки. В последний момент я слышу его голос:

— Ты не пустая. Ты – самая полная из всех, кого я встречал. Запомни это, Кира. Запомни.

Я просыпаюсь от солнца, которое бьёт в окно. Суббота. Слава богу, суббота. Будильник не орёт, можно не вскакивать. Лежу в своей постели, смотрю в потолок и чувствую это. Ощущение, что меня касались. Шёлк сорочки прохладен, сух, не сбит, на месте. Ничего не было, говорит разум. Но тело помнит. Пульсирующее тепло внизу живота. Сла-

дость в мышцах. И губы, которые всё ещё горят от его поцелуев.

Я медленно сажусь. Смотрю на мольберт в углу: там недоделанный макет для сети кофейен. Пора бы его доделать, но я не могу думать о работе. Я думаю о нём. Не знаю его имени. Но я знаю, что он придёт снова сегодня.

Встаю, иду на кухню, наливаю чай. Смотрю в окно, где обычный город, обычная жизнь, обычные люди, которые не знают, что по ночам ко мне приходит фей, и что каждую ночь он дарит мне больше, чем любой мужчина в реальности. Больше, чем дал тот, кто назвал меня пустой.

Я вспоминаю его лицо. Янтарные глаза. Серебряные волосы. Голос, который шептал: «Ты не пустая».

— Кто ты? — шёпотом спрашиваю у тишины. Она молчит. Но я чувствую: он слышал. И я улыбаюсь. Потому что впервые за долгое время я хочу жить. Не существовать. Не работать. Не «быть удобной». А жить и ждать, когда наступит ночь.

Я зажимаюсь и вдруг слышу его голос у себя в голове: — Хочешь, чтобы я пришёл снова?

Я вздрагиваю. Чашка в руке чуть не падает.

— Я всегда с тобой, Кира. Даже когда ты не спишь.

Тихо смеюсь. Наверное, я сошла с ума. Но знаете что? Мне нравится этот бред. Мне нравится, что он со мной. Мне нравится, что кто-то, пусть даже во сне, смотрит на меня так, будто я — сокровище.

Допиваю чай, иду к мольберту и за полчаса, впервые за месяц, рисую не макет, а его лицо. Неровное, смутное, как я запомнила: янтарные глаза, серебряные волосы, лёгкая усмешка. И когда отклоняюсь, рассматривая работу, я словно слышу его голос снова:

— Ты талантлива, Кира. И ты красива. Запомни это.

Улыбаюсь и смотрю в окно. Солнце уже высоко, город шумит за стеклом, и в этом шуме слышу только тишину, в которой живёт он: тот, кто приходит по ночам.

Я не знаю, кто он, не знаю, зачем пришёл именно ко мне, и не знаю, сколько это продлится. Но хочу узнать. Хочу, чтобы он остался.

Я хочу эту ночь.

И я буду ждать.

Глава2. Утро, когда приоткрылись врата

Тианор

Я не должен быть здесь.

Дневной свет для таких, как я, – не запрет, но редкость. Мир снов – моя стихия, моя охота, моё проклятие. Когда солнце стоит высоко, границы между мирами становятся жёстче, грубее, и даже мне требуется усилие, чтобы просочиться сквозь них. Но сегодня я не чувствую этого усилия.

Сегодня я стою за её плечом, и она меня не видит.

Кира сидит перед мольбертом в своей маленькой гостиной, залитой утренним светом. На ней всё та же шёлковая сорочка, в которой она спала. Кружево по краю декольте, тонкие бретельки сползли с одного плеча, открывая бледную кожу. Она не переодевалась. Попила чай, не торопясь, и села рисовать, даже не вспомнив о том, что нужно надеть что-то более подходящее для дня.

Волосы рассыпаны по плечам: тёмно-каштановая кудрявая грива, непослушная, живая. Несколько прядей падают на лицо, и она то и дело откидывает их, не отрываясь от листа.

Она не замечает, как красива в этом утреннем свете. Не замечает, как шёлк обтекает её фигуру, подчёркивая изгибы бёдер и груди. Не замечает, как воздух вокруг неё становится

теплее от её присутствия.

Но я замечаю всё.

Она рисует. Вижу это и улыбаюсь. Не той опасной, притягательной улыбкой, которой дразню её по ночам. Другой. Тёплой. Почти уязвимой. Она рисует меня.

Моё лицо ещё не закончено, штрихи неровные, где-то смелые, где-то неуверенные. Но я узнаю себя. Янтарные глаза, которые она запомнила даже в темноте. Серебряные волосы, которые она видела лишь в сумраке сна. На листе — я. Не тот, кого она боится. Не тот, кого она могла бы прогнать. Тот, кого она ждёт.

Слежу за её руками. Тонкие пальцы, испачканные графитом, уверенно ведут линию за линией. Она талантлива. Каждый штрих — эмоция. Каждый мазок — часть её души, которую она выплёскивает на бумагу, потому что боится говорить вслух.

— Я знаю, о чём ты молчишь, — шепчу я едва слышно, хотя она не может меня услышать. — И я жду, когда ты решишься.

Она не вздрагивает. Не оборачивается. Моя девочка пока не чувствует меня днём, только ночью, во снах. Но это изменится. Я сделаю так, чтобы она чувствовала меня всегда. Делаю шаг ближе. Протягиваю руку, почти касаясь её плеча. И в тот же миг чувствую, как пространство вокруг нас начинает вибрировать.

Врата.

Я замираю. Она не просто рисует меня. Она думает обо мне так сильно, так ярко, что её мысль сама становится мостом. И в этом мосте есть сила, которую я не ожидал. Она прорастает сквозь границы миров даже днём, и этот тонкий, почти прозрачный канал связывает нас, когда я рядом.

— Сильнее, чем я думал, — бормочу я, и в голосе звучит изумление.

Это хорошо. Это то, что мне нужно. Но это и опасно. Я делаю шаг назад, и в тот же миг чувствую холод. Он приходит не из её квартиры, не из утреннего солнца за окном. Он приходит оттуда, где я должен быть сейчас. Из моего мира. Из Пустоты, которая ждёт, которая ищет, которая чувствует каждую открытую щель между мирами.

Я закрываю глаза, и тень моего настоящего тела встаёт между ней и той тьмой, что крадётся следом за мной.

— Не сейчас, — говорю я тихо, и в голосе слышна сталь.
— Не здесь.

Холод отступает, но не исчезает. Я знаю, что это лишь отсрочка. Каждый раз, когда я прихожу к ней, я оставляю за собой след. И Пустота учится находить эти следы.

Смотрю на Киру. Она всё ещё рисует, не подозревая, что сейчас стояла между моим миром и своей гибелью.

— Ты даже не знаешь, что спасла меня сегодня, — шепчу я. — Своим рисунком. Своей мыслью. Ты приоткрыла врата, и я смог войти днём. А вместе со мной чуть не вошла тьма. Но я не дам ей коснуться тебя.

Она не слышит. Отодвигается, рассматривая результат. Я вижу, как она улыбается робко, неуверенно, будто боится поверить, что у неё получилось. И я знаю, что уже две недели она не решается произнести главное слово. Не то, которое она шепчет мне в темноте, умоляя не останавливаться. Другое. То, от которого зависит всё.

Я закрываю глаза и чувствую, как пространство вокруг меня начинает меняться. Мир сна зовёт, обещая лёгкость, которую я не могу позволить себе сейчас. Я должен вернуться. Должен быть там, где Пустота ждёт. Но я оставляю частицу себя здесь. С ней.

Глава 3. Подруга, которая видит больше

Суббота подходит к концу, а я всё ещё сижу в сорочке. Кофе давно остыл, часы на стене показывают почти четыре, а я так и не переоделась. Просто не хочется. Шёлк на коже напоминает о таинственном ночном незнакомце, и я боюсь, что если сниму, он исчезнет окончательно.

Звонок телефона вырывает меня из задумчивости. На экране высвечивается имя: Аня.

— Кира, привет! Ты не занята? Я в твоём районе, может, встретимся? Я хочу тебе показать эскизы к новому спектаклю, а заодно и кофе попить, а то мы уже месяц не виделись.

Я улыбаюсь. Аня — моя подруга ещё с университета, из тех людей, с которыми можно не видеться месяцами, а потом встретиться и говорить так, будто расстались вчера. Она работает декоратором в небольшом театре, вечно живёт сценариями, красками и бесконечными «у нас бюджет опять урезали, но на сцене должно всё блистать».

— Давай, — отвечаю я. — В «Кофе и круассаны» на Ленина? Через час?

— Договорились.

Я наконец снимаю сорочку, надеваю джинсы и свободный свитер. Волосы собираю в хвост, но потом передумываю:

пусть висят. Мне нравится, как они падают на плечи. Мне вообще сегодня нравится почти всё. Даже то, как падает свет за окном. Даже то, что я похудела за последние две недели: наверное, из-за того, что мало ем, но это кажется неважным.

Когда я вхожу в кафе, Аня уже сидит за столиком у окна. Она всё такая же: неброская, тихая, с мягкими чертами лица и задумчивым взглядом. Серая мышка, как она себя называет, хотя я всегда считаю её красивой по-своему, по-настоящему. Она жестикулирует, рассказывая о чём-то официантке, а рядом с ней на столе лежит папка с эскизами.

— Кира! — она видит меня и замахивает. — Иди сюда, я уже заказала нам тот самый лимонный тарт, который ты любишь.

Мы обнимаемся. Аня пахнет красками и театром. Сажусь напротив.

— Ну, как ты? — спрашивает она, наливая мне кофе из

маленького чайника. — Давно мы не виделись. Что нового?

— Работа, — пожимаю я плечами. — Макеты, правки, начальница, у которой вечно не так.

— Ой, да брось, — Аня отмахивается. — Ты всегда так говоришь. А я хочу узнать, как ты на самом деле. Мы же дружим не первый год, чтобы отделываться общими фразами.

Она внимательно смотрит на меня, и я понимаю: она видит. Она всегда видит больше, чем я хочу показывать. Наверное, это у всех художников так: привычка замечать детали, которые другие не видят.

— Ты похудела, — говорит она тихо. — Это заметно.

Я хочу отмахнуться, сказать что-то вроде «да брось, просто работы много», но она перебивает:

— Не так уж мы и часто видимся, чтобы я не заметила. Ты плохо кушаешь? Это всё из-за развода? Да брось, Кира. Я знаю, что ты его пережила. Но здесь что-то другое. И у тебя... взгляд изменился.

Я замираю.

— Какой взгляд? — спрашиваю я, стараясь говорить спокойно.

— Ты смотришь так, будто внутри тебя зажгли свечу, которую ты прячешь ото всех, — она склоняет голову набок, изучая меня. — Такой взгляд бывает только у влюблённых людей.

Я поперхнулась кофе.

— Что? Нет, Ань, ты что...

— Кто он? — она подаётся вперёд. — Кира, ты влюбилась. Когда? Почему я узнаю последней? И поэтому ты похудела? Нервничаешь, не спишь ночами, думая о нём?

Я смеюсь нервно, громко, привлекая внимание соседнего столика.

— Да нет же, сплю. Сплю, Аня, всё нормально.

— Ах, спишь! — она хитро прищуривается. — С ним? Признавайся, Кира. Я всё равно не отстану.

Я смотрю на неё. На её улыбку, на то, как она ждёт моего ответа. И понимаю, что не могу больше молчать. Просто не могу. Потому что если я не скажу это вслух, я сойду с ума.

— Ладно, — выдыхаю я. — Можешь считать меня сумасшедшей. Но я нисколько не жалею. Он приходит ко мне по ночам. Во сне. Уже две недели.

Аня замирает. Её лицо становится серьёзным, но в глазах промелькивает любопытство.

— Во сне? — переспрашивает она.

— Да, — киваю я. — Он появляется из ниоткуда, говорит со мной, касается меня. Я чувствую его, Аня. Его руки, его голос. Это не просто сон. Я просыпаюсь, и всё тело помнит его прикосновения.

Она молчит, глядя на меня. Я ожидаю скептицизма, насмешки, даже испуга. Но вместо этого она спрашивает:

— Он красивый?

Я улыбаюсь.

— Очень. Серебряные волосы, янтарные глаза. Уши за-

острённые, как у эльфов. И крылья... у него огромные крылья, Аня. Фиолетовые, с тёмным узором. Он как будто из сказки. Но он настоящий.

Аня слушает, не перебивая. Её взгляд становится задумчивым, почти мечтательным.

— Ты его имя знаешь?

Я качаю головой.

— Нет. Он не говорил. Но я чувствую, что скоро он расскажет мне больше. Что-то важное.

— Странно всё это, — говорит Аня тихо.

— Можешь считать меня фантазёркой, — усмехаюсь я. — Я сама иногда думаю, что схожу с ума. Но когда он приходит снова, я понимаю, что это не бред.

Аня вдруг улыбается. Тёплой, светлой улыбкой.

— А я верю, — говорит она. — Знаешь, мы ведь художники. Мы каждый день творим миры, которых нет. И иногда они становятся реальнее, чем то, что вокруг. Если этот Мистер Икс за две недели способен зажечь в твоих глазах такой огонь, я лично пожму ему руку. Пусть и во сне. Пусть так. Чем видеть тебя несчастной.

Я выдыхаю. С облегчением. С благодарностью.

— Спасибо, — говорю я тихо. — Я боялась, что ты считаешь меня безумной.

— Ты безумная, — Аня усмехается. — Но я тебя люблю такой. А теперь давай поедим этот тарт, пока он не остыл.

Мы пьём кофе, говорим о её спектакле, о том, как она и

её коллеги из ничего создают декорации, потому что бюджет снова урезали, а на сцене должно всё блистать. Она показывает эскизы, я хвалю, и на мгновение мне кажется, что всё по-прежнему. Что я — прежняя Кира, которая живёт обычной жизнью.

Но потом она смотрит на меня снова, и в её глазах пляшут смешинки.

— А что, Кира, — спрашивает она как бы невзначай, дожевав кусочек тарта, — а если ты во сне залетишь? Такое возможно?

Я застываю. Лимонный тарт вдруг становится пресным.

— Что?

— Ну, он же приходит по ночам, — Аня пожимает плечами, будто спрашивает о чём-то обыденном. — Ласкает тебя. А если это не просто сон? Если он может...

Она не договаривает. Я знаю, что она хочет сказать. Ребёнок. Две недели я не думала об этом. Две недели я просто наслаждалась, таяла, плавилась в его руках. Я не позволяла себе думать о последствиях. Потому что я не могу забеременеть. Я пустая. Так сказал муж. Так подтвердили врачи. Так считаю я сама.

Но вдруг, в этот момент, сидя напротив Ани в уютном кафе, я понимаю, что мысль о ребёнке уже живёт во мне. Где-то глубоко. Запертая, зарытая, но живая. И когда Аня произносит это вслух, она выпускает её на свободу.

— Ты же знаешь, я не могу, — говорю я, и голос мой зву-

чит глухо. — Я пустая.

— Откуда ты знаешь? — Аня наклоняет голову. — Доктора тоже ошибаются. Может, это твой бывший был бесплоден, а не ты?

— Он нашёл ту, которая смогла, — я чувствую, как сжимается горло. — Она была на втором месяце, когда он ушёл.

— Ну и что? — Аня откидывается на спинку стула. — Может, это совпадение. Может, она залетела от другого, а его назвала отцом. Мало ли таких историй. А ты просто сидишь и боишься.

Я смотрю на неё. На её спокойное лицо, на её тёплые глаза, которые не осуждают, не жалеют, а просто рядом. И я понимаю, что она права. Я боюсь. Боюсь поверить. Боюсь, что если поверю и ошибусь, то разобьюсь окончательно.

— Я не знаю, — шепчу я. — Я никогда не пробовала после него. Я просто... приняла это. Как факт.

— Может, пора перестать принимать? — Аня улыбается. — Может, этот твой фей... он для того и пришёл? Чтобы подарить тебе дитя?

Я замираю. Её слова отзываются внутри меня эхом. Я вспоминаю, что он говорил мне во сне: «Ты не пустая. Ты — самая полная из всех, кого я встречал».

— Он так и сказал, — шепчу я. — Этой ночью. Он сказал, что я не пустая.

Аня смотрит на меня с торжеством.

— Ну вот. Он знает. Может, и ты скоро узнаешь.

Я молчу. В голове крутятся мысли, которые я не могу остановить. А что, если? Что, если он может? Что, если я могу? Что, если...

— Эй, — Аня касается моей руки. — Ты как?

Я поднимаю на неё глаза.

— Я.. я хочу, чтобы он пришёл сегодня. Я хочу спросить его. Узнать правду.

— Тогда спроси, — она сжимает мои пальцы. — Ты сильная, Кира. И если он дарит тебе такие сны, значит, он даст тебе и ответы.

Я улыбаюсь. Робко, но с надеждой.

— Спасибо, Ань.

— Всегда, — она улыбается в ответ и взглядывает на часы. — Ой, мне пора, а то через час репетиция, а я ещё не всё доделала. Но мы ещё встретимся. Я хочу знать продолжение.

Она встаёт, целует меня в щёку, и через минуту исчезает за дверью, оставив на столе папку с эскизами.

Я остаюсь одна. Тарт доеден, кофе остыл, за окном уже темнеет. Я смотрю на улицу, на прохожих, на фонари, которые зажигаются один за другим. И думаю об одном.

Что, если она права?

Что, если я не пустая?

Что, если он может дать мне то, чего я так боялась желать?

Допиваю остывший кофе, встаю и иду домой. Мне нужно подготовиться к ночи. Нужно найти слова, которые я хочу ему сказать.

Потому что сегодня я спрошу.
И я больше не хочу бояться.

Глава4. Там, где ждёт Пустота

Тианор

Мой мир встречает меня холодом. Здесь всегда холодно. Даже когда светят две луны, даже когда звёзды падают так низко, что можно коснуться их рукой, холод остаётся. Он въелся в камни замка, в корни деревьев, в саму ткань воздуха. Пустота высасывает тепло постепенно, год за годом, и я чувствую, как моя собственная сила тает вместе с этим миром.

Я стою на балконе своей башни, глядя на барьер. Он виден даже отсюда: тонкая серебристая пелена, которая дрожит на горизонте, закрывая нас от тьмы. Когда-то он был прочным, как стена. Теперь он рвётся, и я вижу чёрные прожилки, наступающие сквозь свет.

— Ты снова был у неё, — голос раздаётся сзади, и я не оборачиваюсь. Знаю, кто это.

— Я всегда у неё, Лиен, — отвечаю я, не поворачивая головы. — Ты знаешь.

Лиен – мой старый друг, единственный, кто остался со мной после падения трона. Он не верит в пророчество. Или верит, но боится этого. Я не знаю точно. Но он молчит, когда я уйду. Он ждёт. Он всегда ждёт.

— Пустота чувствует, когда ты проходишь сквозь границу, — говорит он тихо. — Ты оставляешь следы. Каждый

раз. И они становятся глубже.

— Я знаю.

— Если Пустота узнает, что ты ходишь в мир смертных, она может... — он замолкает, подбирая слова. — Она может последовать за тобой.

Я поворачиваюсь к нему. В его глазах тревога, которую он пытается скрыть за маской спокойствия.

— Она уже пробует, — говорю я. — Я чувствовал это сегодня. Когда ворота приоткрылись.

Лиен бледнеет. Даже в этом тусклом свете видно, как его лицо теряет цвет.

— Ворота? Приоткрылись? Днём?

— Кира рисовала меня, — я улыбаюсь, и в этой улыбке гордость и страх одновременно. — Она думала обо мне так сильно, что границы между мирами стали тоньше. Я смог войти днём. А следом вошла Пустота. Почти вошла.

— Тианор, — его голос звучит резко. — Ты должен остановиться. Она ещё не готова. Тьма найдёт её раньше, чем она успеет сделать выбор.

— Я знаю, — говорю я, и мой голос становится твёрдым. — Но я не могу остановиться. Не сейчас. Она — единственный шанс. Ты читал пророчество. Ты знаешь.

Лиен отводит взгляд.

— Я знаю, что пророчество — это не всегда судьба. Иногда это ловушка, которую мы сами себе создаём.

— Это не ловушка, — я делаю шаг вперёд. — Она уже

отдала мне часть себя. Каждую ночь. И она становится сильнее. Её желание растёт. Она не знает, чего хочет, но её тело знает. Её душа знает. Она просит меня, даже когда молчит.

Я замолкаю, чувствуя, как слова застревают в горле.

— Она боится, — продолжаю я тише. — Боится, что пустая. Боится, что не сможет. Что её тело обмануло её, что она недостойна. И я хочу доказать ей, что это не так. Но для этого она должна сама произнести своё желание. Сама. Свободно.

Лиен смотрит на меня долгим взглядом.

— Ты говоришь о ребёнке.

Я не отвечаю.

— Ты хочешь, чтобы она родила тебе наследника, который станет новой границей между мирами, — продолжает он, и в голосе звучит горечь. — Ты хочешь, чтобы она отдала всю свою жизненную силу ради этого. И ты говоришь, что любишь её?

— Я не говорю, что люблю, — отвечаю я, и мой голос звучит глухо. — Я говорю, что она — мой единственный шанс. И что я сделаю всё, чтобы защитить её, пока она не решится. Даже если это значит, что я должен буду отдать свою жизнь вместо её.

Тишина повисает между нами, тяжёлая, плотная.

— Ты знаешь, что это не сработает, — говорит Лиен наконец. — Если ты отдашь свою жизнь, Пустота поглотит всё. Ей нужна именно Новая кровь. Дитя двух миров.

— Я знаю, — говорю я, и в моём голосе звучит усталость

тысячелетий. — Поэтому я должен убедиться, что она захочет этого сама. Что она не будет жалеть. Что она не проклянёт меня за то, что я пришёл.

Смотрю на барьер. Там, за горизонтом, Пустота ждёт. Но здесь, в моей груди, живёт нечто другое. Надежда. Опасная, хрупкая, почти смешная в этом мире, где всё умирает.

— Я вернусь к ней сегодня ночью, — говорю я. — И снова буду ждать. Буду ласкать. Буду дарить ей удовольствие, чтобы она научилась не бояться. И когда она скажет это слово, я сделаю всё, чтобы пророчество сбылось.

— А если она не скажет? — тихо спрашивает Лиен. — Если её страх окажется сильнее?

Закрываю глаза.

— Тогда я найду другой способ. Но я не позволю Пустоте победить. И я не позволю ей погибнуть.

Когда я открываю глаза, Лиена уже нет. Я остаюсь один на балконе, глядя в темноту, которая ждёт за барьером. Я буду ждать столько, сколько потребуется. Но я знаю, что время уходит.

— Ты даже не знаешь, как много для меня значишь, — шепчу я. — Ты не знаешь, что я не могу дышать без тебя. Что я просыпаюсь от страха, что ты исчезнешь. Что Пустота найдёт тебя раньше, чем ты произнесешь свое сокровенное желание. Но я защищу тебя. Что бы ни случилось. Ты не пустая, Кира. И я докажу это тебе. Каждую ночь. Пока ты не поверишь.

Глава 5. Желание, которое не решалась произнести

Остаток дня я провожу перед портретом.

Мой ночной Фей смотрит на меня с мольберта янтарными глазами, а я перевариваю разговор с Аней.

А что, если она права? Что, если я во сне...

Мотаю головой, отгоняя мысль. Глупости. Одно дело, когда тебе снится секс. И совсем другое, когда тебе снится... ребёнок. Это слишком. Это за гранью. Я же пустая. Так сказал муж. Так подтвердили врачи. Ну не стопроцентно, конечно, но разводили руками. Так я живу последние годы, смирившись с этим фактом.

Но голос внутри шепчет: «А что, если нет?»

Выдыхаю, машу рукой на безумные мысли и иду в душ.

Горячая вода льётся на плечи, стекает по спине, оставляя на коже мокрые следы. Пар окутывает тело, и я закрываю глаза, позволяя себе просто чувствовать, как жар разливается по телу.

Провожу руками по плечам, по груди. Сжимаю её чуть-чуть, представляя, что это делает Он. Его пальцы, уверенные и горячие, которые знают каждую чувствительную точку.

Ладонь скользит ниже, по животу, по бедру, задерживается между ног, и я чуть скулю от удовольствия, такого остро-

го, такого быстрого.

И вдруг слышу выдох. Лёгкий, почти неслышный. Буквально за спиной.

Вздрагиваю, резко оборачиваюсь. За дверцей душа никого нет. Только пар, только капли на кафеле, только я. Одна.

— Ты здесь? — спрашиваю я в пустоту, но голос мой звучит неуверенно.

Тишина. Ни звука. Только капли падают на плитку.

Выключаю воду, промокаю тело полотенцем, наспех высушиваю волосы. Сегодня я не надеваю кружевное бельё, как обычно. Оставляю под сорочкой только себя. Ничего лишнего.

Шёлк цвета шампанского скользит по голому телу, и я чувствую, как ткань касается кожи, как она обтекает бёдра, как становится почти продолжением меня.

Сегодня всё должно быть иначе.

Выключаю свет в ванной и иду по коридору в спальню. И в тот же миг настенное бра замигает.

Раз. Два. Три.

Вот-вот потухнет.

Останавливаюсь, глядя на лампу. Холодок пробегает по спине. Липкий, неприятный. Воздух в коридоре вдруг становится плотным, и мне кажется, что кто-то стоит за моей спиной. Что-то чужое, холодное, жадное. Не мой Фей. С ним тепло и уютно.

— Перепады напряжения, — бормочу я, зябко поведя

плечами. — Старая проводка.

Но ноги сами несут меня быстрее. Я почти вбегаю в спальню, ныряю под одеяло, кутаясь в него с головой. Сердце готово выскочить из груди.

Бра перестаёт мигать. Всё стихает.

Выдыхаю. Просто показалось. Просто нервы.

Лежу в полумраке, глядя в потолок, пытаюсь успокоить дыхание. Мысли лезут одна за другой. Аня, её слова, её улыбка.

«А если ты во сне залетишь?»

Надо же, она не удивилась. Ещё и поддержала. Смешная. И в то же время, единственная, кто не сказала мне: «Ты сошла с ума».

Постепенно дыхание выравнивается, веки тяжелеют, и я проваливаюсь в сон.

И сразу его руки.

Они обвивают меня ещё до того, как я открываю глаза. Во сне. Я чувствую их на своей талии, на спине, на шее. Тёплые, уверенные, такие родные уже за эти две недели.

— Здравствуй, Кира. Как я скучал...

Распахиваю глаза и вижу его. Он лежит рядом, опираясь на локоть, и смотрит на меня так, будто я — единственное, что имеет значение в этом мире. Янтарные глаза мерцают в полумраке, серебряные волосы падают на лицо, и он улыбается той самой тёплой улыбкой, от которой становится так легко и спокойно.

— Я тоже, — шепчу я, и не узнаю свой голос. — Я тоже скучала.

Он наклоняется и целует меня. Медленно. Нежно. Так, будто хочет сказать всё без слов. Его пальцы скользят по моей щеке, по шее, по плечу, где шёлк сорочки уже соскользнул. И я выдыхаю в его губы, расслабляясь, тая, доверяясь.

— Ты сегодня другая, — говорит он, отстраняясь на миг. — Ты вся светишься. Что-то случилось?

Я не хочу говорить о подруге. Не решаюсь говорить о том, что она сказала. Хочу просто быть здесь, в его руках, чувствовать его тепло и забыть обо всём.

— Просто я рада тебя видеть.

Он улыбается, и в его глазах мелькает тень понимания. Он не давит. Просто снова целует меня, и я позволяю себе утонуть в этом блаженстве.

Его руки блуждают по моему телу, изучая каждый изгиб. Он касается меня так, будто запоминает наизусть. Ладонь скользит по груди поверх шёлка, и я чувствую, как сосок твердеет от его прикосновения. Он сжимает его пальцами, и я выгибаюсь, встречая его руку.

— Ты такая красивая, — шепчет он в ухо. — Я мог бы вечность смотреть на тебя.

— Не надо вечность, — выдыхаю я. — Просто будь здесь. Со мной.

Он стягивает сорочку с моего плеча, и шёлк скользит по груди, открывая её полностью. Его губы опускаются туда, где

только что была ткань, и я впиваюсь пальцами в его плечи, чувствуя, как он целует, как обводит языком, как покусывает, заставляя меня забыть обо всём.

Его рука скользит по животу, по бедру. Никаких преград. Шёлк сорочки уже не мешает, и когда его пальцы касаются меня там, где больше всего хочу его касаний, я стону.

— Ты даже не представляешь, как я ждал этого, — шепчет он, и в его голосе слышится что-то похожее на молитву.

— Я тоже...

Он входит в меня пальцами, медленно, заполняя до отказа, и я зажмуриваюсь, чувствуя, как внутри разливается жар. Его большой палец нажимает на клитор, и я едва сдерживаю крик от удовольствия.

— Тише, моя девочка, — он накрывает мой рот поцелуем, заглушая стон. — Я только начал.

Мой ночной Фей ласкает меня долго, не торопясь. Сначала пальцами, потом языком, потом снова пальцами, и я плаваю в его руках, забывая, где я, кто я, что я. Остаётся только он, его руки, губы, дыхание.

— Я исполню любое твоё желание, — шепчет он. — Скажи мне. Скажи, чего ты хочешь.

С моих губ едва не слетает: «Ребёнка». Я хочу произнести то слово, которое Аня вытащила на свет. Хочу спросить, возможно ли это, возможно ли с ним... но язык не слушается, и я молчу.

— Я хочу... — начинаю я, но заминаюсь.

Он ждёт. Его руки замирают на моей талии, дыхание становится ровнее.

— Хочу... в отпуск, — выпаливаю я, сама не веря в то, что произношу это вместо главного. — Я устала... Так устала. Мне нужно отдохнуть. Но до отпуска ещё как минимум полгода.

Он смеётся. Тихо, тепло, но в его смехе слышится облегчение.

— Будет исполнено, моё сокровище, — говорит он, и в голосе его звучит тёмная, опасная нежность. — Я подарю тебе отпуск. Прямо сейчас. Прямо здесь.

— Но это невозможно, — шепчу я. — Это просто сон.

— Сон, в котором возможно всё, — отвечает он и накрывает меня своим телом.

Он входит в меня медленно. Так медленно, что я чувствую каждое движение, каждую пульсацию. Наши тела движутся в едином ритме, и я забываю, где заканчивается сон и начинается явь. Он целует мои губы, мою шею, мои плечи, шепчет что-то на языке, которого я не знаю, но понимаю каждое слово.

— Ты не пустая, — повторяет он. — Ты — всё, что мне нужно.

Я впиваюсь пальцами в его спину, чувствуя его мышцы, его жар, его дыхание. Он движется во мне, и я навстречу с ним, и мир вокруг нас перестаёт существовать. Только он. Только я. Только этот бесконечный миг, в котором сбываются

ся все мечты.

Он ускоряется, и я чувствую, как внутри нарастает волна. Сжимаю его, чувствуя, как он напрягается, как стонет сквозь зубы, и в тот самый момент, когда я взрываюсь, он прорывается в меня, горячий, жаркий, почти обжигающий.

Мы лежим, тяжело дыша, переплетённые, мокрые от пота и друг друга. Его голова лежит у меня на груди, мои пальцы перебирают его серебряные волосы.

Я чувствую, как сон начинает забирать меня, но я цепляюсь за него, за этот миг. Внутри меня всё ещё пульсирует его тепло, его близость, его присутствие.

— Скажи мне, — шепчу я. — Твоё имя. Я хочу знать, как тебя зовут.

Он поднимает голову и смотрит на меня. В его взгляде мелькает такая нежность, что у меня защемляет сердце. Он улыбается мягко, почти робко, совсем не так, как улыбался обычно.

— Моё имя... — начинает он, и его голос становится глубже, почти заговорщицким. — Меня зовут Тианор.

Наклоняется и целует меня. Сладко, долго, так, будто в этом поцелуе — всё, что он не мог сказать словами. Его губы касаются моих, мягко, невесомо, и я чувствую, как имя растворяется во мне, как оно становится частью меня. Навсегда.

— Тианор, — шепчу я, пробуя имя на вкус, когда он отрывается от моих губ. — Тианор...

Повторяю ещё раз, и на губах заигрывает улыбка.

Он смотрит на меня, и в его глазах горит янтарный свет.

— Теперь ты знаешь моё имя, и никто не сможет забрать это у нас.

Я чувствую, как сон забирает меня глубже, в его руки, в его тепло, в его мир. Закрываю глаза, и в последний миг его голос касается моих губ:

— Спи, моя девочка. Я рядом.

И я засыпаю с его именем на губах.

Глава 6. Отпуск, которого не было

Понедельник встречает меня ярким солнцем и мыслями, которые никак не хотят собираться в рабочий ритм. В голове — он. Только он. Тианор. Его имя звучит внутри меня как музыка, как обещание, как страх, который я боюсь произнести вслух.

Ребёнок. Это слово теперь живёт во мне. Раньше оно было похоронено глубоко, зарыто под слоями смирения, врачебных заключений и ухода мужа. Но Аня вытащила его на свет. А Тианор... он ждёт. Я чувствую.

Разве сны могут быть такими длинными? Такими подробными? Я помню каждое прикосновение, каждое слово, его дыхание на своей коже. А теперь я знаю его имя. И почему-то это всё меньше кажется сном. Что, если я сама, того не ведая, сделала шаг в неизвестность? Ведь истории фэнтези с чего-то да пишут. Улыбаюсь собственным смелым мыслям и толкаю дверь рекламного агентства.

В фойе меня встречает Архип Андреевич. Со стаканчиком кофе и с улыбкой. Милой. От этой улыбки я внутренне напрягаюсь, потому что он никогда не улыбается просто так. Обычно он фонтанирует идеями, громогласно сообщая их творческому коллективу, и всё это без тени улыбки. А тут...

— Кира! — он замечает меня и окидывает внимательным взглядом. — Я понял, в чём причина твоего творческого

кризиса. Ты устала. Тебе пора в отпуск.

Земля уходит из-под ног. Я стою и смотрю на него, пытаюсь понять, не ослышалась ли.

— Но по графику... — вылетает из меня что-то невнятное.
— У нас же проект...

— К чёрту график, — отмахивается он. — Я твой босс. И я отправляю тебя в отпуск. Две недели. Ты приводишь нервы в порядок, отдыхаешь в своё удовольствие. Никакой работы. Договорились?

В голове вчерашние слова Тианора: «Будет исполнено, моё сокровище». Я просила отпуск. Просто так, чтобы не произносить главное. И он сделал это. Он реально исполняет желания.

— Кира, ты бледная, — замечает босс. — Давай, иди домой. Заявление напишем задним числом. Я тут царь и бог, позволяю.

Я почти выбегаю на улицу. Солнце спит, ветер развеивает волосы, а в груди бьёт колокол. Он исполняет желания. Все? Даже... о боги. Я думаю о главном, и внутри становится жарко.

Улица обнимает меня шумом города, голосами прохожих, ароматами кофе из открытых дверей кафе. Я иду, сама не зная куда, мимо панорамных окон ресторанов и витрин дорогих бутиков. Мысли скачут, как сумасшедшие: отпуск, Тианор, его обещание, его имя. И то самое желание, которое я всё ещё не решаюсь произнести.

Останавливаюсь у витрины и вижу своё отражение. Шокированную, растерянную, с горящими глазами. Медленно распускаю волосы, до этого они были собраны в тугий пучок. Тёмно-каштановая грива падает на плечи. Поправляю ворот блузки, расстёгиваю на пару пуговиц: хочется дышать свободнее.

Вглядываюсь в себя и слышу голос Ани: «Ты похудела». И босс сказал, что выгляжу неважно. Не сказать что подурнела, но явно что-то не то. Неужели это следствие ночных встреч с Тианором? Что, если... Нет. Нет, нет, нет. Он не может причинить мне вред. Он обещал.

Смотрю на своё отражение в стекле и вдруг чувствую холод. Стекло темнеет. Сначала едва заметно, как рябь на воде. Потом быстрее, гуще, и вот за моей спиной, вокруг меня, сгущается тьма. Несмотря на яркое солнце, безоблачное небо вокруг меня становится темно. Так темно, что я почти не вижу своего отражения.

Ноги словно приросли к асфальту. Страх сжимает горло, сердце колотится уже в ушах. Тьма подступает ближе, в ней что-то живое. Холодное. Голодное. Я хочу закричать, но голос не слышится. Только шепот, сорванный, почти молитвенный:

— Тианор...

И он возникает из ниоткуда. Между мной и Пустотой. Серебряные волосы развеваются в невидимом ветре, крылья распахиваются за спиной: полупрозрачные, фиолетово-пур-

пурные, с тёмным узором. Они светятся, разгоняя мрак.

— Ты не посмеешь, — говорит он, и голос его звучит как звон стали.

Тьма тянется к нему, пытается обхватить, сжать. Но он поднимает руку, и из ладони вырывается золотистый свет, ударяет в самую гущу мрака. Тьма взвизгивает по-звериному, пронзительно, и начинает таять.

Тианор чертит в воздухе древний символ, тот вспыхивает, распадаясь на сотни золотых искр. Они впиваются во тьму, разрывают её на части.

Пустота отступает, завывая, сворачивается в тень, которая дрожит и гаснет под натиском его магии. И снова – солнце. Светлое, тёплое, настоящее. И я. В его руках.

В отражении витрины я вижу нас: его серебряные волосы, мои распущенные кудри. Его руки, обнимающие меня. Я чувствую его тепло, его дыхание у моего виска.

— Тианор...

— Я здесь, Кира. Я никогда не дам тебя в обиду. Защищу любой ценой.

В его янтарных глазах мерцает свет, которого я ещё не видела.

— Кира, — голос становится глубже. — Ты веришь мне?

Молчу. Потому что в груди всё, что я не могу сказать. Все страхи, все сомнения. И надежда. И страх перед этой надеждой.

— Я исполню любое твоё желание, — он делает паузу, и в голосе появляется нажим. — Любое, Кира. Даже то, которое ты боишься произнести.

Чувствую, как его пальцы сжимают мои плечи. Тёплые. Настоящие. Он здесь. Он спас меня. Смотрю на наше отражение в витрине: странное, нереальное, прекрасное. Двое у стекла в центре шумного города. Влюблённая женщина и Сумеречный Фей, только что прогнавший тьму.

— Верю, — шепчу я. — Я верю тебе, Тианор.

Он берёт меня за руку. Пальцы переплетаются с моими, и я чувствую, как его тепло разливается по всему телу.

— Идём со мной, Кира.

Поднимаю на него глаза.

— Ты сегодня не просто приоткрыла ворота, позвав меня. Ты распахнула их. Потому Пустота и проникла в ваш мир. Пойдём со мной. Я всё расскажу тебе. И.. исполню твоё желание.

Он замолкает, и в его глазах загорается золото.

— Но ты должна произнести его. Сама.

Медлю. Чутьочка робости сковывает горло, сердце бьётся неистово. Мир вокруг меня привычный, шумный, безопасный. И он, стоящий рядом, предлагает мне шагнуть в неизведанное. Смотрю в его янтарные глаза. В них обещание. Тепло. Надежда. Всё, чего я боялась. И всё, чего хотела.

Делаю шаг.

Глава 7. Пророчество и первая искра

Тианор

Врата сходятся за нами, как тяжёлый шёлк, и мир переворачивается. Тишина, которую я знаю тысячелетия, встречает нас первой. А следом свет двух лун, холодный и прекрасный, льётся на плечи Киры, на её распущенные волосы, на лицо, застывшее в изумлении.

На балконе моей башни она замирает. Её глаза впитывают небо, которого никогда не видела, пальцы сжимают каменные перила, будто боится упасть. Но моя рука держит её. Я не отпущу.

— Где я? — шёпот, в котором потерянность и доверие сплелись воедино.

— Дома. Если захочешь, чтобы это стало твоим домом.

Она поворачивается ко мне, и в её взгляде плещутся страх и любопытство, борющиеся друг с другом. Я подвожу её к краю балкона и поднимаю руку к горизонту.

Там — Барьер. Тонкая, дрожащая пелена, когда-то прочная, как стена. Теперь она рвётся, и чёрные прожилки пульсируют сквозь свет, разрастаются, как вены больного тела.

— Что это? — голос её становится тише, в нём слышится ужас.

— Пустота. Она пожирает мой мир. Год за годом, день за днём. И если я не остановлю её, она проберётся в твой мир. Сегодня ты видела, как легко открываются врата, когда есть сила. Твоя сила, Кира. Пустота чувствует её. И она хочет её.

Кира молчит, вглядываясь в горизонт. Я чувствую, как внутри неё что-то меняется: страх перерастает в понимание, понимание — в гнев.

— Ты говорил, что я сильная, — голос её звучит глухо. — Что я не пустая. Что во мне есть сила. Аня сказала, что я похудела. Босс заметил, что выгляжу неважно. Я сама видела в отражении: что-то изменилось.

Она поворачивается ко мне, и в ее глазах сквозят боль и гнев, которые больше не прячутся.

— Это из-за тебя, да? Каждую ночь ты приходил, и каждую ночь я отдавала тебе себя. Свою энергию. Свою жизнь. И ты брал, и я становилась слабее. Ты знал, что я меняюсь, но ничего не говорил.

В её глазах дрожат слёзы. Я не отвожу взгляда.

— Да. Каждую ночь я брал каплю твоей жизненной силы. Не чтобы навредить. Чтобы подпитывать Барьер, держать Пустоту. Твоя сила... она единственная, кто может противостоять ей.

Она отворачивается. Её плечи подрагивают. Не от холода. Я вижу, как внутри неё бушует буря. Она хочет кричать, хочет плакать, хочет ударить меня. Думает, что я лишь воспользовался ею. Я чувствую это. Связь между нами пульси-

рует, передавая мне каждую её эмоцию, и это больно. Но я не могу прикоснуться к ней. Боюсь, что она оттолкнёт меня. Боюсь, что потеряю её доверие, которое только начало прорасти.

Стою рядом. Близко. На расстоянии одного вдоха. Но не касаюсь. Даю ей пространство и право злиться, плакать, не прощать меня прямо сейчас. Контролирую каждое своё движение, чтобы не сломать ту тонкую грань, на которой мы сейчас балансируем.

Её плечи дрожат, и я чувствую, как в ней борется желание убежать и желание остаться. Я жду. Тот самый момент.

— И когда ты собирался сказать мне? Когда во мне не осталось бы ни капли жизни?

— Нет, — я мягко обнимаю ее за плечи, склоняюсь низко, чтобы слышала только она, шепчу ей в губы. — Я никогда бы не довёл тебя до этого. Но, Кира... твоё желание, сокровенное, то, которое ты боишься произнести, только оно может спасти мой мир. И твой тоже.

Я говорю тихо, но она слышит. Она слышит всё.

— Пустота голодна. Сегодня она почти пробралась в твой мир. Ты видела. Если я не остановлю её здесь, она пойдёт дальше. К твоим друзьям. К твоей семье. К твоему городу. Миру в целом. Она не остановится, пока не поглотит всё.

Она молчит, глядя на Барьер. Я вижу, как сказанное оседает в ней, как гнев уступает место осознанию. Не смотрит на меня, но я чувствую, что правда принята.

Достаю свиток. Состаренный, с восковой печатью, которая уже рассыпалась от времени. Разворачиваю и протягиваю ей.

— Это пророчество. Оно было написано за тысячу лет до твоего рождения. Я переведу его для тебя.

Она берёт свиток дрожащими пальцами. Старая бумага шуршит под её руками. Я подношу свою ладонь к тексту, провожу по нему и строки начинают светиться. Золотистое сияние струится по древним символам, перетекая в буквы, которые она понимает. Буквы складываются в слова, слова — в строки на её родном языке. Свиток больше не хранит тайну, он говорит с ней.

Кира смотрит на это с изумлением, затем переводит взгляд на строки и читает вслух. Голос её звучит почти благоговейно:

*«Когда Падиший Венец истечёт золотом,
И Сумерки устанут держать небо,
В мир явится Та, что не рождала,
Но станет Матерью Сквозь Грани.
Её сердце — не битва, а колыбель.
Её страх — не слабость, а ключ.
Она отдаст всё, что имеет,
И в этой пустоте взойдёт Новая Кровь.
Не ищи её среди воинов или королев.
Ищи ту, чей свет погас в глазах мира,
Но тлеет углём во снах.*

Она не ждёт героя.

Она ждёт Того, Кто Придёт За Ней.»

Кира долго молчит, глядя на свиток. Затем поднимает глаза на меня. В них сомнение и надежда, переплетённые в тугой узел.

— Почему я? — голос её тих, почти беззвучен. — Таких, как я, много. Женщин, которых назвали пустышками. Которых бросили. Которые смирились. Почему пророчество выбрало именно меня? Как ты меня нашёл?

Касаюсь её лица. Она не отстраняется.

— Я искал тебя семьсот лет, Кира. Семеро до меня пытались найти ту, о ком говорит пророчество. Они искали среди тех, кто силен и могуществен. И они погибли. А я понял: пророчество говорит не о силе. Оно говорит о боли. О той, чья пустота стала колодезцем. О той, чей страх стал ключом.

Мои пальцы скользят по её щеке.

— Я искал ту, кто не рожала, но носила в себе пламя. И когда я впервые увидел твой сон, понял: это ты. Твоя сила не в том, что ты можешь дать жизнь. Твоя сила в том, что ты готова рискнуть, чтобы попытаться.

Она смотрит на меня, и я вижу, как сомнения тают. Медленно, но верно.

— Это про меня, — шепчет она. — Это правда про меня.

Она снова опускает взгляд на свиток, пробегает пальцами по ещё тёплым от магии строкам, словно пытаясь ощутить каждое слово.

— «Станет Матерью Сквозь Грани», — шепчет она, и в голосе просыпается изумление. — Неужели мне всё же суждено стать матерью? Я смогу дать жизнь?

Я смотрю на неё, не перебивая.

Её пальцы скользят дальше. Останавливаются на другой строке.

— «Она отдаст всё, что имеет...» — голос её затихает, и я вижу, как страх снова поднимается из глубины. Она поднимает на меня глаза, и в них сквозит ужас. — Что это значит? Я рожу ребёнка, а сама... сама умру?

Я обхватываю ладонями её лицо. Кожа её прохладна, но я чувствую, как под ней теплится жизнь. Заставляю её смотреть на меня, в мои глаза, в янтарный свет, который никогда не лгал ей.

— Нет, Кира. Ты не умрёшь. Ты отдашь только возможность вернуться в свой мир. Потому что ты не оставишь своё дитя, правда? И этот дом, этот мир станет твоим. Ты потеряешь, чтобы обрести новое. Ты потеряешь прошлое и получишь будущее.

Она смотрит на меня, и я вижу, как страх уступает место доверию. Медленно, но верно.

— Я верю тебе, — шепчет она.

Смотрит на свиток, затем на меня, на Барьер, который дрожит на горизонте. Я чувствую, как в ней борются страх и надежда. Кира молчит долго, и я не тороплю её.

— Я боялась, — говорит она тихо. — Всю жизнь боялась.

Что я пустая. Что я ни на что не гожусь. Что не могу дать жизнь. А ты приходишь и говоришь, что я — единственная, кто может спасти два мира.

Молчу. Я всегда умел ждать. Семьсот лет искал, две недели приходил к ней во снах, боясь спугнуть. И сейчас я жду снова, но внутри меня всё замирает. Время для меня остановилось, весь мир сосредоточился в одной точке, в одной женщине, стоящей передо мной.

Она смотрит на меня, и я вижу в её глазах то, чего так долго ждал. Решение.

— Я хочу ребёнка, — голос её звучит твёрже, чем я слышал когда-либо. — Я хочу ребёнка, Тианор. Потому что я верю, что могу.

Мир перестаёт существовать. Семьсот лет в одном мгновении.

Я слышу, как бьётся моё сердце, впервые за тысячелетия. Беру её за руку и веду внутрь башни.

В моей комнате тепло. Камин горит, отбрасывая золотистые блики на стены. Свечи мерцают, наполняя воздух светом. На полу шкура серебристого зверя, мягкая, пушистая, неведомая в её мире. Кира останавливается, глядя на неё с удивлением.

— Не бойся, — касаюсь её руки. — Я обещал тебе нежность. Я сдержу слово.

Она улыбается робко, доверчиво. Свет камина танцует на её коже, на распущенных волосах, на губах, которые уже го-

товы произнести моё имя.

— А как же ритуал? — спрашивает она, и в голосе проскальзывает тень прежней Киры, той, что умела шутить даже в самые страшные моменты. — Никакого алтаря, арф, флейт?

Улыбаюсь. Вот она, моя Кира.

— Нет, милая. Только ты и я. В нашем мире. И только наши чувства.

Провожу рукой по её плечам, и блузка соскальзывает с них, открывая кожу, которую я так долго мечтал видеть при свете этого мира: в свете двух лун, что льётся в окна башни, смешиваясь с золотом камина. Не во сне, не в сумраке её квартиры, а здесь. В моём мире. В нашем доме.

Она не отводит взгляда, смотрит на меня, пока я касаюсь застёжки её брюк, пока ткань уступает место теплу её бёдер.

Кира тянется ко мне, и её пальцы касаются моей груди, скользят по руническим меткам, которые пульсируют под её прикосновением. Она помогает мне снять накидку, и чёрный шёлк падает на пол. Кожаные ремешки на предплечьях, она справляется с ними за мгновение, и я вижу, как в её глазах загорается огонь.

За моей спиной огромные, полупрозрачные крылья начин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.